

ПРЕВЕНТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Андрей Мозжухин записал что-то вроде лекции доктора исторических наук, начальника историко-информационной службы Государственного Эрмитажа, автора книги «Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 1920–1930-х годов» Юлии Кантор – под названием «Расстрелянная армия. Зачем в 1937 году Сталину понадобился «заговор военных»

Из записи удалена антибольшевистская риторика (вначале) и слабый вывод (в конце).

«Когда в 1935 году в СССР активно обсуждалась новая военная доктрина, в Москве были вынуждены сделать окончательный выбор относительно продолжения дальнейшего сотрудничества с нацистской Германией. Наиболее компетентные из советских военных руководителей понимали неизбежность скорого столкновения (причем в той самой коалиции, которая сложилась в годы Второй мировой войны) и поэтому доказывали необходимость скорейшего перевооружения Красной армии, в то время как так называемые «конники» вроде Ворошилова и Буденного этому всячески противились. Известен случай, когда Сталин в 1935 году лично редактировал статью Тухачевского в «Правде». Вождь не только изменил заголовок с «Военных планов Гитлера» на «Военные планы Германии», но и убрал из текста все острые рассуждения автора об идеологии германского нацизма.

Ложный «немецкий след»

Даже на фоне чудовищных репрессий советской власти в отношении крестьянства, интеллигенции, церкви и истребления партийной оппозиции дело о так называемом «военно-фашистском заговоре в РККА» стоит особняком. Уничтожение военной элиты — это, прежде всего, приговор государству: если столь многие высшие должностные лица армии были иностранными шпионами, то что это за государство? И наоборот, если обвинения против них были ложными и лучших советских военачальников сгубили по совсем другим соображениям, то встает тот же самый вопрос: что это за государство, где подобное возможно?

После XX съезда партии в 1956 г. и реабилитации фигурантов дела о «заговоре военных» возникла потребность в понимании и объяснении мотивов Сталина, обезглавившего накануне войны все армейское руководство, а также разведку и контрразведку. Именно тогда получила широкое распространение ложная версия, что Сталина сознательно ввели в заблуждение немцы с помощью подброшенных через Чехословакию фальшивых документов, дискредитирующих советскую военную верхушку. Например, подобные намеки можно найти в мемуарах руководителя военной разведки Третьего рейха Вальтера Шелленберга.

Но если такая фальшивка и была изготовлена, то она могла попасть в Москву не ранее весны 1937 года, когда большинство фигурантов дела о «военно-фашистском заговоре» уже были арестованы и давали показания (Тухачевского взяли под стражу в мае 1937 г. последним из крупнейших военачальников).

Кровавые допросы на Лубянке

Я знакомилась в Центральном архиве ФСБ России с материалами этого 20-томного дела, по которым очень хорошо видно, как оно фабриковалось. Во-первых, там нет никаких доказательств вины его фигурантов (не говоря уже о вещественных), кроме их собственных «признательных» показаний. На листах бумаги с этими признаниями есть бурые пятна — кровь, что доказала судебно-медицинская экспертиза. Во-вторых, стиль свидетельствует о том, что показания написаны под диктовку следователей. В их текстах содержится множество фактических ошибок: рейхсвер путается с вермахтом, датой прихода Гитлера к власти в Германии почему-то называется 1932 год. Понятно, что Тухачевский и его товарищи по несчастью не могли допустить таких неточностей — вероятно, они подписывали допросные листы, не читая их.

Почерковедческая экспертиза, проведенная в МВД, показала, что эти тексты выполнены людьми, пребывающими в неадекватном, специфическом состоянии, рукой, находящейся в неестественном положении — иначе говоря, под мерами физического воздействия. Жен фигурантов дела о «военно-фашистском заговоре в РККА» затем отправили в лагеря и расстреляли в 1941 г., дети впоследствии попали в детдома, а по достижении совершеннолетия — в лагеря.

Тухачевский признательные показания дал не сразу. На первом допросе он категорически отвергал все обвинения, маршал сломался только после «конвейера» — изобретенного в НКВД пыточного метода, когда человека безостановочно допрашивали в течение нескольких суток подряд, лишая его сна и пищи.

Анализ собственноручных показаний Тухачевского и сравнение их с ранее написанными им письмами, проведенные почерковедческой лабораторией экспертно-криминалистического центра ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, выявили, что они были написаны либо после сильного физического воздействия, либо под влиянием психотропных препаратов.

Маршалу, например, вменялись связи с различными должностными лицами германской армии. Разумеется, Тухачевский в свое время действительно с ними контактировал, но исключительно в рамках своих служебных полномочий и под контролем советских спецслужб. Материалы российских федеральных архивов (РГВА и РГАСПИ) свидетельствуют о том, что Сталин не только внимательно следил за ходом следствия, но и давал указания следователям, а потом лично участвовал в формировании «общественного мнения» в военной среде.

В ходе пересмотра уголовного дела о «военно-фашистском заговоре в РККА» во второй половине 1950-х годов советские следователи получили возможность допросить бывших руководителей германских вооруженных сил, которые очень подробно рассказали, каким образом они контактировали с Тухачевским и другими советскими военачальниками.

В архивах ФРГ сохранились дневники и мемуары ключевых немецких участников советско-германского сотрудничества и дипломатов. Доказательств предательства советских военных, как и свидетельств фабрикации германскими спецслужбами документов, дискредитирующих советских военачальников в глазах Сталина, в военных архивах Германии и в архиве МИД ФРГ тоже не обнаружено. Напротив, в документах немецких военных рефреном звучит недоверие к истинным причинам процесса 1937 года и недоумение, почему Сталин «убрал» военную верхушку. Так что версия о «немецком следе» в «деле военных» не выдерживает критики.

«Бойня в Москве»

За следствием и судом очень внимательно следили в Германии. В дневниках Геббельса за этот период упоминается «бойня в Москве», учиненная «большим советским руководством». По его словам, Гитлер, узнав о «военно-фашистском заговоре» в Красной армии, «смеялся до слез» и сказал напоследок, что теперь «мы должны быть готовы». Сохранившиеся в архивах документы вермахта лета 1937 г. недвусмысленно отражают восторг немецких генералов, полагавших, что отныне с Советским Союзом и Красной армией можно не считаться как с военной силой.

Германский военный журнал через две недели после расстрела Тухачевского писал: «Начиная с 1929 года Красная армия под руководством Тухачевского окончательно осуществила переход к реорганизации по западноевропейскому образцу... Исчезли с высоких постов все герои гражданской войны и прочие невежды, которых заменили высококлассные специалисты... После приказа Сталина о расстреле восьми лучших командиров Красной армии высшие посты военного командования опять заняты надежными героями Гражданской войны и невеждами, а военная квалификация принесена в жертву безопасности советской системы».

Убийством Тухачевского и других военачальников «чистки» в РККА не ограничились. Если в 1937 г. репрессии коснулись в основном высшего командного состава, то в 1938-м сталинский террор затронул порядка 40 тыс. военнослужащих различных воинских званий во всех военных округах. Армия была не просто обезглавлена, но и деморализована. В военной среде сложился чудовищный психологический климат: во втором квартале 1937 года резко увеличилось количество самоубийств (в ЛВО — на 27%, в БВО — на 40%, в КВО — на 50%, на Черноморском флоте — на 200%).

Военные перестали понимать, кому теперь можно доверять, если твой непосредственный командир и воинский начальник может запросто оказаться врагом и шпионом. За 1937-1938 гг. были смещены все (кроме Буденного) командующие войсками округов, все их заместители и начальники штабов округов, 88% командиров корпусов, 98% командиров дивизии и бригад, 79% командиров полков, 87% командиров батальонов и дивизионов, 100% состава облвоенкомов.

На сборах командиров полков, проведенных летом 1940 года, из 225 человек лишь 25 были выпускниками военных училищ, остальные 200 окончили курсы младших лейтенантов. По подсчетам современных историков, потери в руководящем составе Красной армии за 1937-1939 годы намного превышали его потери за годы Великой Отечественной войны.

«План поражения»

Фигурантов дела о «заговоре военных» расстреляли через 40 минут после окончания суда в ночь на 12 июня 1937 года. За сутки до гибели маршал Тухачевский составил «План поражения» (так его назвали следователи) и адресовал его лично Сталину. В этом документе он дал подробный и, как показали последующие события, очень точный прогноз развития военно-политической ситуации в Европе в

ближайшие годы и направления возможного удара Германии против СССР в будущей войне. Сталин обратит на него внимание лишь в июне 1941 года — в самые первые страшные дни Великой Отечественной войны.

После расстрела Тухачевского и его соратников были свернуты инициированные ими исследования по развитию военной техники и новых видов вооружений. В ГУЛАГ отправили Туполева и Королева, в Ленинграде закрыли Реактивный институт, занимающийся производством реактивных двигателей. Именно по этой причине знаменитая система залпового огня БМ-13, более известная под названием «Катюша», поступила в войска не в 1939 году, а только летом 1941-го.»

Вопреки очевидности презумпции невиновности, т.е. обязательности для досудебных органов искать улики, доказывать виновность, в период правления Сталина главным доказательством являлся самооговор. Т.е. показания на себя самого. Разумеется, выбитые под пытками, которые разрешил сам Сталин.

И еще маленькая ремарка. Адвокаты Сталина, как правило, не военные, в лучшем случае, военные историки, то есть, дилетанты в военном деле, обеляют Сталина, когда речь идет о начале войны, о киевском котле и т.п. При этом они яростно обличают Жукова и прочих военных, указывающих на вину Сталина. Понятно, что военным после прихода Хрущева приходилось сидеть на двух стульях, чтобы и себя при Сталине выгородить, и Сталина задеть. Но что касается принятых стратегических решений, важнейших приказов – тут уж явно стоит больше доверять специалистам, профессионалам, практическим участникам событий, а не фантазиям дилетантов.

Колпакиди с Прудниковой спрашивают, почему многие допрашиваемые держались долго, а Тухачевский почти сразу стал давать «правильные» показания. Они выдвигают совершенно нелепое: что Тухачевский не выдержал правды. Неведомо, как два историка могли такую чушь сформулировать. А. Шубин полагает, что тухачевский так повел себя, чтоб в дальнейшем показать в своем покаянии, дескать, Сталину в будущей войне без него не обойтись. Я же полагал, что Уборевич попросту не захотел, чтобы его били, если исход всё равно один и тот же. Ведь застрелился же Гамарник, хотя ему не предъявляли «правды», просто не хотел пыток.

Но судя по истории Павлова – Уборевича просто-напросто допекли, доизбивали за один день.

Вот выдержка из письма замкома Забайкальским военным округом комкора Лисовского: -Били жестоко, со злобой. Десять суток не дали минуты сна, не прекращая истязаний. После этого послали в карцер... По 7-8 часов держали на коленях с поднятыми вверх руками или сгибали головой под стол и в таком положении я стоял также по 7-8 часов. Кожа на коленях вся слезла, и я стоял на живом мясе. Эти пытки сопровождалась ударами по голове, спине.

Первый кавалер почетных боевых орденов Красного Знамени и Красной Звезды Василий Константинович Блюхер скончался от жестоких пыток (по заключению судмедэксперта, смерть наступила от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза; был почти выбит глаз) в Лефортовской тюрьме НКВД 9 ноября 1938 года. Его тело сразу сожгли в крематории. 10 марта 1939 года суд приговорил мертвого маршала к высшей мере наказания за "шпионаж в пользу Японии, участие в антисоветской организации правых и в военном заговоре".

Константин Рокоссовский с 17 августа 1937г. по 22 марта 1940 г. содержался во внутренней тюрьме УГБ при НКВД по Ленинградской области на Шпалерной улице. В пытках Рокоссовского неоднократно принимал личное участие начальник Ленинградского УНКВД Заковский. Рокоссовскому выбили несколько передних зубов, сломали три ребра, молотком били по пальцам ног.

Некоторые утверждают, что, несмотря на киевский котел, который возник исключительно по воле Сталина, все же сослужил службу – отдалил наступление немцев на Москву. В организованном немцами окружении погиб целый фронт - Юго-Западный. Были полностью уничтожены четыре армии (5-я, 21-я, 26-я, 37-я), 38-я и 40-я армии были разгромлены частично. По официальным данным гитлеровской Германии, которые были опубликованы 27.9.1941, в "Киевском котле" было взято в плен 665 000 бойцов и командиров Красной армии, захвачено 3718 орудий и 884 танков.

Адвокатов у Сталина много, чепухи они написали горы, но факт остается фактом: отдать приказ не оставлять Киев мог только Сталин. И, когда стало уже поздно, именно Сталин дал приказ отступить. Не стоит винить Жукова с подлоге, что он якобы не мог указать Сталину на необходимость отступления – ведь ворон ворону глаз не выклюет. Именно Жуков утверждал, что Сталин хорошо разбирался в военном деле. Т.е. откровенно врал, выгораживая хозяина. А Сталин был стерилен в военном деле, он никогда не учился военному делу, а наступление на Польшу провалилось именно благодаря Сталину, это признают и такие сталинисты, как Колпакиди с Прудниковой.

Но вернемся к нелепому объяснению, что, несмотря на окружение, оно сослужило... и т.п. А насколько большую службу сослужил бы целехонький Юго-Западный фронт, 665 тыс. бойцов и командиров, орудия и танки!

Конечно, не один Сталин виновен. Но ведь он главнокомандующий. Увы, в России принято, что самые главные, сердюковы с путинскими, никогда ни в чем не бывают виновны, виновны всегда стрелочники.

Мухин все беды ВОВ сваливает на генералов. Мысль вполне идиотская: ведь Сталин сам уничтожил боеспособных командиров с дебильным обвинением в троцкизме (никто из них даже не знал, что это такое) или с еще более дебильным обвинением - связь с гестапо. Да еще через Троцкого! Сталину, в виду отсутствия командиров, пришлось вытаскивать их из концлагерей обратно, в т.ч. генералов Горбатова, Рокоссовского. Не война – погибли бы! Но опять же сваливать на стрелочников, да еще военных, когда главнокомандующий – ни уха, ни рыла в военном деле! У Мухина блестящее доказательство фальшивости Катынского дела НКВД, но завихов у него тоже немало, чего стоят его доказательства, что янки не высаживались на Луну, или поддержка Толоконниковой.

Юрий Жуков полагает, что в пытках, репрессиях и пр. виновато кровожадное «широкое руководство». Колпакиди с Прудниковой полагают, что заговор военных со всем троцкизмом и гестапо – был-таки. Доказательства? Они у Колпакиди с Прудниковой просты: его не могло не быть! Вот так. А то, что нет ни улики, ни фактов, ни черта, кроме выбитых под пытками показаний – это нашим историкам по барабану.

Жуков врет, выставляя Сталина невиновным. Но он отчасти прав. Один человек не мог натворить столько дерьма. И вообще история человечества – это не история царей, а история борьбы классов. Какой же класс воевал с населением СССР?

Это класс парт-гос-хоз-номенклатуры. Он полностью удовлетворяет ленинскому определению классов. Как же мы его назовем? Со времен римского права отношения собственности делятся на пользование, владение и распоряжение (управление). Напр., семья фордов, собственник заводов, в 80-е гг. не была их владельцем, т.к. имела лишь 10% акций этих заводов, а контрольный пакет в США определен в 22,5%. Но являлась распорядителем-управленцем.

Собственник средств производства именуется капиталистом. В СССР главным распорядителем, а следовательно, собственником средств производства до 1953 г. являлся Сталин. Следовательно, Сталин являлся капиталистом – по определению.

Но ведь не единственным капиталистом. Как только крестьянин или рабочий попадает в управленческую элиту, как только у него в подчинении появляются трудящиеся, как только он начинает получать в виду высокого места в общественной иерархии привилегии, как только у него появляются предметы роскоши, да хоть доп. Пак – тут же начинает действовать железный закон, вскрытый Марксом: общественное бытие определяет общественное сознание. Посмотрите, как сформировало московское привилегированное бытие московское выпендрожистое сознание!

Точно так же, как Путин не является мировым злом, я есть лишь ставленник правящего в России класса буржуа, прохоровых, лисиных, усмановых, вексельбергов, фридманов, мельниченко, алекперовых, кузюевых, трутневых, тулеевых, ткачевых, абрамовичей, дерипасок и пр. – точно так же и Сталин есть ставленник класса советских буржуа. Помните, как Сталин отказывался от своего поста? Нет-нет, говорили ему советские буржуа, ты нас устраиваешь. Хотя, конечно, уровень власти Сталина и Путина – несоизмерим.

Каждому нормальному человеку понятно: нельзя хватать кого угодно на улице, обвинять в шпионаже в пользу иностранной разведки и требовать, чтобы схваченный доказал свою невиновность. Наоборот,

следствие обязано доказать вину. Однако по сей день сохраняются экземпляры, которые своего этого не понимают. Например, лидер пермской ячейки ВКПб (Нины Андреевой) Андрей Кузнецов всерьез полагает, что презумпция невиновности – буржуазное право. Хотя у него юридическое образование, он проработал в военной прокуратуре. Неизвестно, что тут доминирует – человеконенавистничество с идолопоклонством или скудость ума, полное отсутствие логики.

Скорее всего, что Сталин опасался реального взрыва недовольства в армии – после насильственной коллективизации, раскулачивания середняков, после голода в Поволжье и Закавказье. Расстрел группы Каюрова – Угланова – Рютина (марксистов-ленинцев), убийство Кирова, арест 17-го съезда 1934 года, московские процессы, где вычищали большевиков-ленинцев, поставили крест на смещении Сталина. Поэтому военные вполне могли сообразить, что организовываться нужно самостоятельно. Причем с военными правилами конспирации. Потому Сталин просто НАМЕТИЛ всех, кто мог бы учредить заговор и участвовать в нем. А затем расстрелял. Вполне вероятно, что реальные заговорщики в армии (которых не могло не быть при таком диком правлении) остались целы.

Теперь ответим на вопрос Юлии Кантор: «... что это за государство, где подобное возможно?» - Это капиталистическое государство. Социализмом, то есть, властью рабочего класса, в нем и не пахло. А тот сброд наверху, в сравнении с которым сотня таких, как Чикатило, ангцы божи, просто-напросто нацепил на себя бейджики «коммунисты».

ПРИЛОЖЕНИЕ. ДОПРОС ПАВЛОВА

Протокол допроса арестованного Павлова Дмитрия Григорьевича. Павлов Д.Г, 1897 года рождения, уроженец Костромской губ., из крестьян, бывший командующий Западным фронтом, генерал армии, член ВКП(б).

«7 июля 1941 г. Допрос начат в 1 час 30 мин. Павлова арестовали днём 4.7.1941, в 1941.07.05-м Павлова привезли в тюрьму.

Вопрос: Вам объявили причину вашего ареста?

Ответ: Я был арестован днем 4 июля с.г. в Довске, где мне было объявлено, что арестован я по распоряжению ЦК. Позже со мной разговаривал зампред Совнаркома Мехлис и объявил, что я арестован как предатель.

Вопрос: В таком случае приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности.

Ответ: Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам.

Вопрос: У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими, которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом.

Ответ: Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было.

Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию.

Вопрос: Как же в таком случае это произошло?

Ответ: Я вначале изложу обстановку, при которой начались военные действия немецких войск против Красной армии. В час ночи 22 июня с.г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских. ...

Вопрос: Сколько времени вы командовали Западным особым военным округом?

Ответ: Один год.

Вопрос: Части округа были подготовлены к военным действиям?

Ответ: Части округа к военным действиям были подготовлены, за исключением вновь сформированных -17, 20,13,11-го мехкорпусов. Причем в 13-м и 11-м корпусах по одной дивизии было подготовлено, а остальные, получив новобранцев, имели только учебную материальную часть и то не везде. 14-й мехкорпус имел слабо подготовленную только одну мотодивизию и стрелковые полки танковых дивизий.

Вопрос: Если основные части округа к военным действиям были подготовлены, распоряжение о выступлении вы получили вовремя, значит, глубокий прорыв немецких войск на советскую территорию можно отнести лишь на счет ваших преступных действий как командующего фронтом.

Ответ: Это обвинение я категорически отрицаю. Измены и предательства я не совершал.

Вопрос: На всем протяжении госграницы только на участке, которым командовали вы, немецкие войска вклинились глубоко на советскую территорию. Повторяю, что это результат изменнических действий с вашей стороны.

Ответ: Прорыв на моем фронте произошел потому, что у меня не было новой материальной части, сколько имел Киевский военный округ.

Вопрос: Напрасно вы пытаетесь свести поражение к не зависящим от вас причинам. Следствием установлено, что вы являлись участником заговора еще в 1935 г. и тогда еще имели намерение в будущей войне изменить Родине. Настоящее положение у вас на фронте подтверждает эти следственные данные.

Ответ: Никогда ни в каких заговорах я не был и ни с какими заговорщиками не вращался. Это обвинение для меня чрезвычайно тяжелое и неправильное с начала до конца. Если на меня имеются какие-нибудь показания, то это сплошная и явная ложь людей, желающих хоть чем-нибудь очернить честных людей и этим нанести вред государству.

Допрос окончен в 16 час. 10 мин. Записано с моих слов правильно, мною прочитано. Д.Павлов.

Допросили: Врид зам.начальника следчасти 3-го Управления НКО СССР ст.батальонный комиссар Павловский

Следователь 3-го Управления НКО СССР мл. лейтенант госбезопасности Комаров.»

15 часов длился ПЕРВЫЙ допрос. Павлова из комнаты допроса, не заводя в сортир, отвели в подвал - БИТЬ. БИЛИ с перерывами: 1 час били резиновой палкой, потом медосмотр, мед-стимуляция жизни Павлова, еще 1 час битья. Еще медосмотр + мед-стимуляция. Курировал избиение Павлова мл. лейт. Комаров. Врид зам.начальника следчасти 3-го Управления НКО СССР ст.батальонный комиссар Павловский интересовался по телефону.

Второй допрос:

Протокол допроса арестованного Павлова Дмитрия Григорьевича. Павлов Д. Г., 1897 года рождения, уроженец Горьковского края, Кологривского района, деревни Волюх. 9.7.1941 г. Допрос начат в 12 час. 00 мин.

Вопрос: Следствие еще раз предлагает вам рассказать о совершенных вами преступлениях против партии и советского правительства.

Ответ: Анализируя всю свою прошлую и настоящую деятельность, я счел необходимым рассказать следствию:

о своих предательских действиях по отношению к партии и советскому правительству.

Еще в 1932 г, когда я командовал в Белоруссии мех-полком, Уборевич меня отличал как хорошего командира.

В последующие годы Уборевич продолжал выделять меня из среды других командиров, что мне очень льстило, и таким образом я целиком подпал под его влияние, стараясь как можно лучше выполнить все его указания, одновременно и боялся его.

В 1937 г, будучи у меня на стрельбах, Уборевич в присутствии ряда командиров прямо сказал, что он меня, как командира, высоко ценит, вполне мне доверяет и уверен, что я и впредь буду выполнять точно все его указания. Это мое слепое доверие Уборевичу привело к тому, что в последующем, зная о его вредительских действиях, направленных к полному износу материальной части трех бригад, я промолчал, не доложил об этом Ворошилову.

Позже, насколько мне известно, Уборевич рекомендовал мою кандидатуру в Испанию для командования танковыми частями. Уборевич давал мне вредительское указание по использованию танков, приказав раздать все танки по 3-5 штук по всему фронту, что вело к полной гибели их.

Мне известно, что правой рукой Уборевича был Мерецков, который также выполнял все указания Уборевича. В бытность свою в Испании Мерецков по указанию Уборевича стянул все лучшие войска в Мадрид, создав таким образом положение, при котором в случае отреза Мадрида эти войска окажутся в мешке и не смогут оказать воздействия на общий фронт, т.е. подвергал лучшие части разгрому. Эти вредительские указания не были окончательно выполнены лишь благодаря вмешательству военного советника Кулика.

Кроме этого Уборевич и Мерецков всегда всему командному составу прививали германофильские настроения, говорили, что нам надо быть в союзе с Германией, так как германскую армию они очень высоко ценят, всегда ставили в пример немецких офицеров. Я разделял эту точку зрения.

Вопрос: Вы расскажите о своей организационной связи по линии заговора с Уборевичем и другими.

Ответ: Организационно по линии заговора я связан ни с Уборевичем, ни с другими не был. Будучи приверженцем Уборевича, я слепо выполнял его указания, и Уборевичу не нужно было вербовать меня в заговорщическую организацию, так как и без этого я был полностью его человеком.

Вопрос: Следствием по делу участников заговора установлена ваша организационная связь по линии заговора с Уборевичем и другими его соучастниками, но в этом вас будем уличать позже. В первую очередь нас интересуют ваши предательские действия в последний период, в бытность вашу командующим Западным фронтом, об этом сейчас расскажите.

Ответ: После испанских событий мои отношения с Мерецковым до последних дней продолжали оставаться самыми хорошими, Мерецков по-прежнему оказывал на меня большое влияние, и все его указания по военной линии (он был тогда начальником Генштаба и начальником боевой подготовки) я выполнял, не вникая в их сущность.

Как показали дальнейшие события, эти указания Мерецкова были вредительские, так как они сводились к затягиванию сроков боевой подготовки вверенного мне округа, что в настоящее время было недопустимо.

Мерецков всегда внушал мне, что Германия в ближайшее время воевать с Советским Союзом не будет, что она очень глубоко завязла в своих военных делах на Западном фронте и в Африке.

В связи с этим Мерецков предлагал мне не делать упора на ускорение боевой подготовки в округе, а вести все по годичному плану. В Финскую кампанию, когда я выезжал на финский фронт в качестве начальника бронетанковых войск, обратил внимание Мерецкова, что все лучшие силы с западной границы стянуты на финский фронт и что этим мы оголяем границу с Германией. На это Мерецков еще раз заявил, что нападения со стороны Германии в ближайшее время ожидать не надо. Все эти убеждения Мерецкова я принимал за чистую монету и в своих дальнейших действиях, как командующий Западным особым военным округом, не торопился с повышением уровня боевой подготовки, что привело во время военных действий к предательству фронта, разгрому частей Красной армии и материальной части, так как округ, которым я командовал, оказался не подготовленным к войне.

Основное зло я нанес своей беспечностью и неповоротливостью, я слишком много доверял своим подчиненным и не проверял их. Эта беспечность передавалась моим подчиненным.

Так, например, мною был дан приказ о выводе частей из Бреста в лагеря еще в начале июня текущего года, и

было приказано к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста.

Я этого приказа не проверил, а командующий 4-й армией Коробков не выполнил его, и в результате 22-я танковая дивизия, 6-я и 42-я стрелковые дивизии были застигнуты огнем противника при выходе из города, понесли большие потери и более, как соединения не существовали. Я доверил Оборину - командир мехкорпуса - приведение в порядок мехкорпуса, сам лично не проверил его, и в результате даже патроны заранее в машины не были заложены.

22-я танковая дивизия, не выполнив моих указаний о заблаговременном выходе из Бреста, понесла огромные потери от артиллерийского огня противника.

В отношении строительства УРов я допустил со своей стороны также преступное бездействие. В 1940 г. строились только отдельные узлы, а не сплошная линия укреплений, и я поставил об этом вопрос только в 1941 г., перед событиями. Вопросы эти хотя и были разрешены положительно, но было уже поздно. В результате моей бездеятельности УРы к бою готовы не были. Из 590 сооружений было вооружено только 180-190 и то очень редкими узлами. Остальные бетонные точки пришлось использовать как временно пулеметные гнезда и убежища. Такое положение с У Рами дало возможность противнику безнаказанно их обходить и форсировать.

По связи. Я передоверил этот важнейший вопрос Григорьеву (нач. связи), в результате чего он не подготовил связь, а я ее не проверил, радиостанций в округе не было в достаточном количестве, последние были выбиты из строя, в то время как при моем настоящем обращении в центральный склад НКО мою просьбу могли бы удовлетворить, так как радиостанции там были.

Я допустил беспечность с выдвижением войск к границе. Вместо того чтобы, учитывая обстановку за рубежом, уже в конце мая месяца вывести все свои части на исходное положение и тем самым дать возможность принять правильные боевые порядки, я ожидал директив Генштаба, пропустил время, в результате чего затянул сосредоточение войск, так что война застала большую половину сил на марше в свои исходные районы.

В отношении складов. Я допустил схематическое утверждение складов, приближенных к границе на 50-60 км. В результате этого склады были в первые же два дня подожжены авиацией противника или наши войска вынуждены были, отходя, рвать их сами.

В отношении авиации. Я целиком доверил на слово рассредоточение авиации по полевым аэродромам, а на аэродромах по отдельным самолетам, не проверил правильность доклада командующего ВВС Копца и его заместителя Таюрского, допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятий на случай нашего наступления, но никак не обороны. В результате таких действий в первый же день войны авиация понесла огромные потери, не успев подняться в воздух из-за краткости расстояния от госграницы до аэродрома.

Также одним из вредных моментов является недостаток солярового масла для танковых дизелей, в результате чего 6-й мехкорпус бездействует. При проверке мною в 5-м отделе Генштаба и УСГ8 (начальник Ермолин и в УСГ - начальник Котов) мне доложили, что горючего для ЗапОВО отпущено потребное количество и хранится в Майкопе, тогда как на самом деле оно должно было храниться в Белостоке. Практически получилось, что на 29 июня в ЗАПОВО недополучено 1000 тонн горючего. Надо полагать, что Котов и Ермолин доложили правительству, что ЗАПОВО обеспечено полностью горючим, не указав места его нахождения, тем самым ввели правительство в заблуждение. Таким образом, я признаю себя виновным:

1. В том, что благодаря своей бездеятельности я совершил преступления, которые привели к поражению Западного фронта и большим потерям в людях и материальной части, а также и к прорыву фронта, чем поставил под угрозу дальнейшее развертывание войны.

Вопрос: Все эти ваши предательские действия, о которых вы показали, являются результатом не благодушия, а умышленного предательства. Будучи участником антисоветского заговора, вы проводили вредительскую работу в округе, заведомо зная о ее последствиях в предстоящей войне с Германией. Предлагаем вам рассказать правдиво о вашем организованном предательстве - той системе, которую вы создали среди своих подчиненных.

Ответ: Ни от кого задания открыть Западный фронт я не получал, но мое преступное бездействие создало определенную группу командного, политического и штабного состава, которые творили в унисон мне. Так, например, начальник штаба Климовских своих прямых обязанностей по проверке, как выполняются отданные мной распоряжения, совершенно не выполнял. Совершенно неясно было, почему не состоялся удар из Ружаны, выставлены ли и назначены ли заградительные отряды и работают ли посты в районах сборов отходящих частей и даже занятия переправ отрядом на реке Березина.

Несмотря на неоднократные мои указания Климовских проверить это положение, он этого не сделал, и проверку произвели специально назначенные политработники.

Начальник связи Григорьев, ограничившись тем, что центр не дает до штатной потребности радиостанций, не принял должных мер к пополнению радиостанций за счет центра и не создал некоторых резервных запасов у себя, чтобы в случае выхода из строя радиостанций можно было бы пополнить их, перебросив на самолете или иным путем. Мне известно, что в центре имелась возможность удовлетворить округ радиостанциями по штатной потребности. Благодаря его - Григорьева - исключительной бездеятельности была утеряна связь с тремя армиями и только впоследствии с одной из них налажена.

Командир мехкорпуса Оборин больше занимался административными делами и ни в коей мере не боевой готовностью своего корпуса, в то время как корпус имел более 450 танков. Оборин с началом военных действий потерял управление и был бит по частям. Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Санда-лова и командующего 4-й армией Коробкова. На их участке совершила прорыв и дошла до Рогачева основная мех-группа противника и в таких быстрых темпах только потому, что командование не выполнило моих приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста, чем подвергло эти части разгрому. Штаб потерял с первого дня боя управление частями и доносил только о своем местонахождении, не стараясь взять в руки управление армией вплоть до отхода на Рогачев.

Командующим ВВС Таюрским использование авиации, работа самого штаба является явно преступной. Контроля за выполнением поставленных задач не было. Сводки о своих потерях и об ущербе, нанесенном противнику, всегда приходилось добывать с величайшим трудом. Разведывательные задачи, как правило, не выполнялись. Приказ о сосредоточенном ударе авиацией по какой-либо колонне противника выполнялся не всей авиацией, работающей в этот день, а одним-двумя звеньями. Авиация

удалялась на чрезмерно далекие аэродромы или оставалась в непосредственной близости. Так, например, Бобруйск - самолеты вылетели за 15 минут до подхода немецких танков. Начальник оперативного отдела штаба ВВС и начальник разведывательного отдела, фамилии их забыл, проявили полную бездеятельность, граничившую с преступлением, а начальник связи авиации, фамилии также не помню, не принимал никаких мер, чтобы обеспечить связь командования с армиями. Все это воспитанники генерала Копца.

Вопрос: Вы снова рассказываете о предательских действиях отдельных лиц. От вас требуют, чтобы вы рассказали об умысле этих действий. Вы, как заговорщик, открыли фронт врагу намеренно, противник знал всю вашу дислокацию и планы действий, еще раз предлагаем именно об этом рассказать сейчас следствию.

Ответ: Происшедшее на Западном фронте заставляет меня быть убежденным в большом предательстве на Брестском направлении. Мне неизвестен этот предатель, но противник рассчитал удар совершенно точно по тому месту, где не было бетонных точек и где наиболее слабо была прикрыта река Буг. Повторяю, что намеренно я фронт врагу не открывал. Прорыв немцев получился благодаря моей бездеятельности и невыполнению указаний ЦК о постоянной мобилизационной готовности.

Вопрос: Следствие убеждено, что вы умышленно предали фронт, и будет разоблачать вас в этом.

Допрос окончен в 15 час. 10 мин.

Стенограмма записана с моих слов правильно, мною прочитана. Д. Павлов

Допросили:

Зам. начальника следчасти 3-го Управления НКО СССР ст. батальонный комиссар Павловский
Следователь 3-го Управления НКО СССР мл. лейтенант госбезопасности Комаров

ТРЕТИЙ допрос:

Протокол допроса арестованного Павлова Дмитрия Григорьевича. Павлов Д. Г., 1897 года рождения, уроженец Горьковского края, Кологривского р-на, дер. Вонюх, русский, гр-н СССР, быв. член ВКП(б) с 1919 г., до ареста командующий Западным фронтом, генерал армии. 11.7.1941. Допрос начат в 13 час. 30 мин.

Вопрос: На допросе 9 июля т[екущего] г[ода] вы признали себя виновным в поражении на Западном фронте, однако скрыли свои заговорщические связи и действительные причины тяжелых потерь, понесенных частями Красной армии в первые дни войны с Германией.

Предлагаем дать исчерпывающие показания о своих вражеских связях и изменнических делах.

Ответ: Действительно основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля т.г.

Вопрос: На предыдущем допросе вы отрицали свою принадлежность к антисоветской организации, а сейчас заявляете о своей связи с заговорщиками. Какие показания следует считать правильными?

Ответ: Сегодня я даю правильные показания и ничего утаивать от следствия не хочу.

Признаю, что в феврале 1937 г. бывшим старшим советником в Испании Мерецковым Кириллом Афанасьевичем я был вовлечен в военно-заговорщическую организацию и в дальнейшем проводил вражескую работу в Красной армии.

Вопрос: Не хотите ли вы сказать, что вражескую работу вы начали вести только с 1937 г.? Так ли было в действительности?

Ответ: Не отрицаю, что еще в 1934 г. я имел некоторые суждения о заговорщической работе, однако организационно с участниками заговора в Красной армии я тогда связан не был.

Вопрос: С кем вы имели суждения о заговорщической работе?

Ответ: В августе 1934 г. в Бобруйск на учения, проводившиеся мною в 4-й танковой бригаде, которой я командовал, приехал бывший начальник Автобронетанкового управления Красной армии Халепский. Халепского я знал с 1932 г. По рекомендации Халепского я был назначен командиром 6-го мехполка и по его же представлению был награжден грамотой ВЦИК и золотыми часами.

Перед началом учений мы беседовали с Халепским на армейские темы. Халепский говорил, что в армии отсутствует твердый порядок, войсковая дисциплина развалена, а руководство не в состоянии перестроить надлежащим образом Красную армию. В этих условиях трудно что-либо сделать, продолжал Халепский, так как попытки командиров навести порядок в частях встречают со стороны руководства армией резкое противодействие.

Вопрос: Как вы отнеслись к этому заявлению Халепского?

Ответ: К замечаниям Халепского я отнесся одобрительно, тогда он продолжил разговор и заявил, что в армии имеется уже группа решительных командиров, которая противопоставляет себя руководству Красной армии и ставит перед собой задачу добиться смены ее руководящей верхушки и выдвижения на высшие командные посты способных и решительных командиров. Вы здесь у себя также должны над этим подумать, заключил Халепский.

Вопрос: Изложенный вами разговор не дает ясного представления о том, что предложение Халепского носило заговорщический характер.

Ответ: Для меня было очевидно, что речь идет о заговорщической группе среди командиров, в задачу которой входило добиться замены руководства Красной армии и выдвижения на руководящие посты своих людей. Хотя Халепский и не упомянул лично Ворошилова, однако он недвусмысленно давал понять, что речь идет именно о нем. Антисоветский характер предложения Халепского не вызывал у меня никаких сомнений.

Вопрос: Этот разговор с Халепским у вас был наедине?

Ответ: Нет, вместе со мной была группа командиров, в частности: бывший начальник бронетанковых войск Белорусского округа Сурен Шаумян; бывший командир 3-й мехбригады того же округа Хрулев и бывший командир 5-й танковой бригады Тылтынъ.

После отъезда Халепского вместе с Шаумяном, Тыл-тынем и Хрулевым мы обменивались мнениями по существу предложения Халепского и условились занять независимую по отношению к руководству армией линию и строить работу по своему усмотрению.

Вопрос: Возвратимся к вашему разговору с Халепским. Покажите, что вы ответили ему после его предложения организовать группу командиров для противодействия руководству Красной армии.

Ответ: Определенного ответа я Халепскому не дал, так как в это время мне доложили о чрезвычайном происшествии (танком был задавлен красноармеец), и, пока я отдавал необходимые распоряжения, связанные с этим делом, Халепский уехал.

Не отрицаю, однако, что мое положительное отношение к предложению Халепского было выражено при обсуждении этого вопроса с Шаумяном, Хрулевым и Тыл-тынем.

Исходя из установок Халепского, я занял линию ограничения прав политработников, чинил препятствия в их работе и одновременно, не согласовывая, как это предусмотрено приказами, с наркомом обороны, начал самовольно отстранять от должности и отправлять из части командиров, совершавших незначительные проступки.

Вопрос: Выходит, что к заговорщической работе вы были привлечены Халепским, тогда как в начале допроса вы показали, что в военно-заговорщическую организацию вас вовлек Мерецков. Как это понимать?

Ответ: Я показываю так, как было в действительности. После разговора с Халепским никто из заговорщиков ко мне не обращался, и я не считал себя организационно связанным с заговорщической организацией в Красной армии. Лишь в 1937 г. в Испании я был посвящен Мерецковым о существовании в Красной армии заговора и привлечен к вражеской работе.

Вопрос: Что связывало вас с Мерецковым? На какой почве он вовлек вас в заговорщическую организацию?

Ответ: С Мерецковым я познакомился в 1934 г., когда он был начальником штаба Белорусского военного округа, а я в том же округе командовал 4-й мехбригадой. По службе мне приходилось с ним сталкиваться.

Мерецков несколько раз проводил в моей бригаде учения, и у нас установились хорошие взаимоотношения. В ноябре 1936 г. я был направлен в Испанию, где к тому времени был и Мерецков. Встретил он меня очень радушно, представил главному советнику при военном министре Берзину и ходатайствовал о назначении меня генералом испанской армии. В дальнейшем мы часто разъезжали по фронтам и участвовали в боевых операциях. Это еще более сблизило нас и создало почву для откровенных разговоров.

В феврале 1937 г. я приехал из Алкалы в Мадрид и посетил Мерецкова в гостинице. После деловых разговоров мы обменивались с Мерецковым мнением о положении в Красной армии.

В беседе выяснилось, что оба мы сходимся в оценке состояния Красной армии. Мы считали, что командный состав Красной армии якобы бесправен, а политсоставу, наоборот, предоставлены излишние права. Существовавший, по нашему мнению, разброд среди комсостава вызывается якобы неправильной политикой руководства Красной армии.

В Красной армии, заявил Мерецков, нет единой доктрины, это хорошо понимают некоторые руководящие армейские работники, которые объединились на почве недовольства существующим в

армии положением. Тогда же Мерецков сообщил мне, что Тухачевский и Уборевич возглавляют существующую в Красной армии заговорщическую организацию, которая ставит перед собой задачу сменить негодное, с их точки зрения, руководство Красной армией: "Вот приедем мы домой, - сказал Мерецков, - нужно и тебе работать заодно с нами".

Вопрос: Что вы ответили Мерецкову?

Ответ: Мерецкову я сказал, что глубоко уважаю военный авторитет Уборевича и готов поэтому примкнуть к группе командного состава, которая идет за Уборевичем.

Вопрос: Сомнительно, чтобы Мерецков, не заручившись предварительно вашим согласием примкнуть к заговорщической организации, раскрыл бы перед вами ее руководителей в лице Тухачевского и Уборевича. Правильно ли вы показываете?

Ответ: Я показываю правильно. Откровенной беседе о существовании в армии заговорщической организации предшествовали длительные разговоры, в процессе которых Мерецков убедился, что я разделяю его точку зрения о положении в армии. Кроме того, учитывая мое преклонение перед авторитетом Уборевича, Мерецков без риска мог сообщить мне о его руководящей роли в военно-заговорщической организации.

Вопрос: Какие практические задачи поставил перед вами Мерецков?

Ответ: В этот раз никаких практических заданий Мерецков мне не давал.

Допрос прерывается в 17 час. 10 мин.

Протокол мною прочитан, с моих слов записан правильно, в чем и расписываюсь. [Д.] Павлов.

Допросили: Зам. начальника следчасти 3-го Управления НКО СССР ст. батальонный комиссар Павловский. Следователь 3-го Управления НКО СССР **старший** лейтенант госбезопасности Комаров.»

ЦА ФСБ.

И еще. В.С. Емельянов, "О времени...": «Когда Павлов был нач. Бронетанкового управления Генштаба, Емельянов как Нач. броневое главка НК пром. судостроения, расстрелял на полигоне сдвоенные листы котельного железа, которые Сталин по недоразумению признавал в качестве защиты танков вместо брони. Павлов объявил Емельянову, что теперь они оба погибли (ибо вышло так, что Сталин - дурак). Но сумели схитрить. Доложили, что сдвоенный железный лист - великолепная защита танков от пуль и осколков. Но (диалектика!) ничто не стоит на месте. Опыт (!) показал, что теперь надо защищать танк от снарядов. А потому "приходится" искать броневую защиту. Тогда пронесло.»

Перед запуском этого идиотизма было обсуждение в Кремле, идиотизм кто-то там предложил, мол, один лист разрушается, а второй остается. "Разрушаясь - защищает. Вот диалектика!" - сказал Сталин. Ну, а против "диалектики" не попрешь.

Из допроса видно, что Павлов говорит каким-то совершенно неестественным языком: называет свои действия предательскими, свои суждения предваряет словом «якобы» (о негодном руководстве РККА), переваливает вину за провал в Испании на Уборевича и Мерецкова. То есть: за один день человек из убежденного заговорщика буквально перековался и стал ярким защитником линии Сталина! Но.. простите, ведь всех, кто был причастен к заговору в армии, давным-давно убрали. Причем все доносили на всех. Как же это они забыли Павлова??? А ведь арестовали его вовсе не за армейский заговор, а за провал в начале войны. Однако в допросе – ни словечка о начале войны! Из этого следует, в провале в начале войны Павлов не виновен, а вся вина ложится на Сталина.

Борис Ихлов, 19.3.2016